

Формирование кризиса в отношениях России с Европейским союзом и западным сообществом: перспективы изменения ситуации

А. В. Изотов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Изотов А. В. Формирование кризиса в отношениях России с Европейским союзом и западным сообществом: перспективы изменения ситуации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2021. Т. 14. Вып. 2. С. 139–155. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.202>

В статье анализируется текущий кризис в отношениях России и Европейского союза, (ЕС) являющийся частью более глобального кризиса отношений России и западного сообщества, который может быть охарактеризован и проанализирован в рамках концепции «прохладной войны». Рассматривается эволюция тенденций в отношениях России и ЕС с начала 1990-х годов по трем основным измерениям их взаимодействий (экономическая взаимозависимость, ценностно-политическое и внешнеполитическое измерения) в контексте взаимоотношений России и западного сообщества. Анализируется то, как современный кризис и его ключевые факторы (отношения России и ЕС на пространстве их «общего соседства», взаимные санкционные режимы Москвы и Брюсселя, трансформация отношений России с ЕС и его странами-участницами вследствие кризиса) исследуются академическим и экспертным сообществами в России и на Западе. В этом отношении представляет особенный интерес то, какие проблемы выявляются исследователями в контексте рассматриваемого кризиса и какое им придается значение, как они исследуются и каким образом выявляются причинно-следственные связи тех или иных событий и факторов, определяющих формирование, развитие и текущую динамику кризиса в отношениях России и Запада, составной и крайне важной частью которого является нарастание кризисных тенденций в отношениях России и Европейского союза. Делаются выводы относительно потенциальных качественных изменений в ту или иную сторону в отношениях Москвы и Евросоюза, включая институты ЕС и страны-участницы, выявляются возможности и ограничения для возможных изменений в современных условиях.

Ключевые слова: Россия, Европейский союз (ЕС), кризис, западное сообщество, коллективный Запад, санкции, регион «общего соседства» России и ЕС, прохладная война, холодная война.

Отношения России с Европейским союзом (ЕС), безусловно, являются важной частью ее отношений с коллективным Западом. После 2014 г. Запад и Россия находятся в состоянии враждебности, которое многие сравнивают с периодом холодной войны. Несмотря на то что текущая ситуация в российско-западных отношениях напоминает противостояние холодной войны, она не является идентичной советско-западным отношениям второй половины XX в. Развернутый и оригинальный

концептуальный анализ сегодняшней напряженности в отношениях между Россией и коллективным Западом, а также ее отличия от противостояния в период классической холодной войны, был предложен К.Худолеем: нынешний период в отношениях коллективного Запада и России характеризуется как «прохладная война» [1; 2]. В соответствии с этим подходом современное противостояние, которое изначально не являлось неизбежным, но и не стало случайным, принадлежит к явлениям XXI в. и обладает собственной логикой развития. Связь «прохладной» войны с «холодной» заключается в том, что предпосылки первой формировались в процессе демонтажа системы международных отношений и внутригосударственных структур периода идеологически-блокового противостояния, который происходил с разной динамикой и спецификой в различных странах и регионах. Старые структуры и представления не всегда заменялись на новые согласованные правила и институты взаимодействия, что создало благоприятную почву «для столкновений между элементами прошлого и настоящего, причем в самых неожиданных комбинациях» [1].

В данной статье будет рассмотрена динамика отношений России и Европейского союза как важного института западного сообщества в контексте попыток создания ими новых правил взаимодействия и совместных структур после окончания холодной войны и до настоящего времени. Можно выделить три измерения, в которых проходили и проходят наиболее важные взаимодействия России и ЕС и в которых предпринимались более или менее успешные попытки сформировать совместные правила или структуры: это экономическая взаимозависимость, ценностно-политическая сфера (включает нормы, политические институты и практики функционирования политических процессов), а также внешнеполитическая международно-региональная сфера.

Экономическая взаимозависимость с Европейскими сообществами стала формироваться еще в позднесоветский период, однако импульс ее качественному развитию придал переход экономики России на рыночные основы в 1990-х годах. Стержнем взаимозависимости является сотрудничество в энергетическом секторе и сферах, имеющих к нему отношение, но ее напрямую или опосредованно поддерживают взаимодействие в других экономических областях и разнообразные связи на транснациональных уровнях.

Ценностно-политическая сфера включает два аспекта: с одной стороны, в этой сфере были созданы политические структуры диалога ЕС и России, с другой — Евросоюз, опираясь на представления о себе как о нормативной силе и о том, что Россия, как и другие посткоммунистические страны, находится в состоянии политического и экономического транзита, пытался играть социализирующую роль в процессах этих трансформаций.

Внешиполитическое международно-региональное измерение включает различные аспекты взаимодействия России и Евросоюза на международной арене по функциональным или многочисленным региональным вопросам, среди которых сейчас наиболее важную роль играют территории, непосредственно прилегающие к ЕС и России, так называемый регион «общего соседства». В контексте этого измерения следует отметить, что Россия, помимо различных «цивилизационных» интерпретаций, всегда воспринималась европейскими акторами как важный фактор региональной и международной безопасности.

Данные измерения взаимодействий России и Евросоюза были сформированы в современном виде прежде всего в результате окончания холодной войны и становления России как государства с рыночной экономикой, первоначально ориентированной на западные внешнеполитические и внутривнутриполитические институты. Поэтому взаимодействия России и Евросоюза в этих измерениях нельзя рассматривать в отрыве от взаимодействий Москвы и стран, а также институтов коллективного Запада.

Долгий путь к кризису: основные тенденции развития отношений России и Европейского союза до 2014 г.

Эволюцию взаимодействий России и Евросоюза в данных трех измерениях и попытки создания совместных норм и институтов, а также влияния ЕС на российскую посткоммунистическую трансформацию можно разделить на несколько этапов. Если посмотреть на общие тенденции отношений России и ЕС за последние три десятилетия, то в целом можно увидеть тренд в сторону ухудшения отношений, хотя и с многочисленными подъемами, спадами и нюансами.

Первый этап (1990-е) характеризовался стремлением России к сближению с западными институтами, хотя оно и не было последовательным. В то же самое время, с одной стороны, потенциал Евросоюза оставался недооцененным российской элитой, которая воспринимала его маргинальным, по сравнению с другими западными институтами (прежде всего НАТО), а с другой — Брюссель был в гораздо большей степени озабочен стратегическим расширением на Восток и углублением европейской интеграции, таким образом, роль России в его восприятии была тоже несколько маргинализована.

Основным нормативным и институциональным достижением ЕС и России в этот период принято считать заключение Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС) в 1994 г. [3], которое остается действующим и сейчас. Оно стало наиболее всеобъемлющим и детализированным соглашением, которое Россия когда-либо подписывала с институтами Запада. В плане совместных с ЕС структур оно создавало систему политических и отраслевых диалогов, в плане влияния на российское политическое пространство было ориентировано на сближение российских норм в сфере экономического регулирования с западными (в данном случае с нормами ЕС), а также на частичную экономическую интеграцию России с ЕС в виде создания зоны свободной торговли. В контексте заключения СПС роль России чаще характеризовалась как пассивная, она сводилась к принятию подхода Брюсселя. Аналогичные соглашения Евросоюз планировал заключить со всеми странами СНГ.

Некоторые затруднения с реализацией СПС сформировались в ценностно-политической сфере взаимодействия России и ЕС. Так, Евросоюз замедлил ратификацию СПС в связи с первой чеченской кампанией, в итоге СПС вступило в силу только в конце 1997г.

Второй этап (2000–2008) характеризовался, с одной стороны, сильным, хотя и асимметричным, развитием торгово-экономических отношений, в основе которых лежали энергетика и рост цен на энергоносители, а с другой — постепенным нарастанием кризисных явлений в ценностно-политической сфере и началом

конкуренции на постсоветском пространстве. В результате не только растущая торгово-экономическая взаимозависимость не смогла стать основной для стабилизации отношений и придания им устойчивости, но ее ключевая область (энергетика) стала все больше политизироваться и секьюритизироваться.

Примечательно, что в 1999 г. ЕС и Россия представили свои концептуальные документы по развитию отношений друг с другом, в которых несколько по-разному были расставлены приоритеты. Так, Евросоюз сделал акцент на своей социализирующей роли и в своей Коллективной стратегии подчеркивал необходимость стимулирования политических и экономических реформ в России [4]. Возможно, это было сделано отчасти под воздействием кризиса в отношениях России и НАТО (другой ключевой организации коллективного Запада), возникшего из-за военной операции последней против Югославии в 1999 г. Российская среднесрочная стратегия не рассматривала Брюссель в качестве социализирующего актора и сделала акцент на экономически выгодные аспекты отношений. Также подчеркивалось, что партнерство с ЕС должно «содействовать укреплению России в качестве ведущей силы формирования новой системы межгосударственных политических и экономических отношений на пространстве СНГ», тем самым Россия фиксировала свою ведущую роль на постсоветском пространстве [5].

Таким образом, уже в самом начале второго этапа отношений наметились расхождения Брюсселя и Москвы в ценностно-политической и регионально-внешнеполитической сферах взаимодействия. Эти расхождения стали более заметными в середине 2000-х годов.

К этому времени Евросоюз начал осознавать, что политические процессы в России не приближают ее к западным ценностям, политическим практикам и институтам, а все больше с ними расходятся, и возможность влияния ЕС на эти тенденции иссякла [6]. Когда в 2005 г. Москва и Брюссель согласовали тексты «дорожных карт» по четырем «общим пространствам» [7–10], то эти совместные документы, по сравнению с принципами Европейской политики соседства (от участия в которой Россия отказалась), практически полностью исключили возможности нормативного лидерства ЕС и использование им традиционных в этом отношении инструментов (например, таких, как позитивная или негативная политическая кондициональность). Европейскими экспертами «дорожные карты» «общих пространств» России и ЕС были охарактеризованы достаточно критически [11]. Москва была тоже лишь частично удовлетворена содержанием «дорожных карт», и ее уже начало тяготить то, что основополагающим соглашением с Евросоюзом все еще оставался СПС: в 2005 г. была достигнута договоренность о заключении нового базового соглашения, а сами переговоры по его содержанию стартовали в 2008 г. Однако у сторон были разные позиции по содержанию нового договора (Россия стремилась полностью избавиться от ориентации на нормативное пространство ЕС и все меньше готова была признавать его нормативное лидерство и социализирующую роль), к тому же сам процесс переговоров часто прерывался по причине осложнений в отношениях Москвы, Брюсселя и стран — членов ЕС.

Во внешнеполитической международно-региональной сфере Россия все больше была склонна рассматривать Евросоюз в качестве конкурента на постсоветском пространстве. Еще в 2001 г. М. Эмерсон отмечал, что в случае расхождения ЕС и России в Европе может сформироваться ситуация конкуренции «двух империй»

[12, p. 33]. Противоречия нарастали постепенно, однако неуклонно. Так, в 2003 г. Россия восприняла достаточно спокойно запуск Европейской политики соседства (ЕПС). Главной задачей Москвы в этом отношении было остаться за рамками ЕПС, тем самым оградив себя от влияния ЕС, а также одновременно сформировать отдельный политический формат отношений с Евросоюзом, тем самым подтвердив свой статус глобального игрока, что удалось сделать в виде формата четырех «общих пространств». Однако в 2004–2005 гг. в свете украинской Оранжевой революции (которая, в частности, нарушила планы Москвы по интеграции Украины в Единое экономическое пространство), а также включения в ЕПС стран Южного Кавказа в 2004 г. Евросоюз стал восприниматься Россией на постсоветском пространстве как конкурирующий игрок с серьезным потенциалом. Особенно это стало очевидным в ходе восточного расширения ЕС 2004 и 2007 гг., когда новые границы Евросоюза вышли к западной части постсоветского пространства.

Вопреки осложнениям в политической и международной сферах торговый оборот и экономическая взаимозависимость в этот период усиливались, Россия вышла на третье место среди торговых партнеров ЕС, на ее долю в ЕС стало приходится более 50 % внешней торговли. Существовали проекты по экономической интеграции в некоторых сферах, однако результаты в виде дорожной карты по общему экономическому пространству оказались весьма скромными. Нарастание противоречий в ценностно-политической и международно-региональной сферах, а также расхождение экономических интересов привели к секьюритизации ключевого фактора экономической взаимозависимости — сферы энергетики.

Безусловно, как показывает Т. Романова, было бы серьезным упрощением трактовать российскую энергетическую политику только как часть геополитической стратегии Москвы [13], однако нельзя не согласиться с тем, что термин «российское энергетическое оружие» прочно вошел в политический дискурс европейских стран с 2000-х годов, несмотря на весьма критическое отношение к нему со стороны академического сообщества [14], а представления о том, что в своей энергетической стратегии Россия опирается прежде всего на геополитическую силу, а ЕС — на регулятивную силу, стали широко распространенными [15]. Несмотря на то что Россия по-прежнему играет важную роль на газовом рынке ЕС [16], ее энергетическая политика представляется сильно геополитически мотивированной, что в настоящее время находит отражение в политических дискуссиях вокруг Северного потока — 2, и даже в такой стране, как Финляндия, энергетические отношения с Россией могут частично дискутироваться в терминах угроз энергетической безопасности [17].

Третий этап (2008–2013), с одной стороны, характеризовался политической турбулентностью, отказом от представлений о скорой вестернизации России и о «совместных интересах» Москвы и Брюсселя, но с другой — в это время были предприняты попытки найти новые сферы для развития взаимодействий Москвы и ЕС на основе компромиссов между Россией и акторами коллективного Запада («перезагрузка» в российско-американских отношениях, Партнерство для модернизации с ЕС, улучшение отношений между Россией и Польшей, включая выработку общих подходов к интерпретации ряда чувствительных моментов, относящихся к сфере исторической коллективной памяти).

Данный период фактически начался с кризиса в регионе Южного Кавказа и российско-грузинского вооруженного конфликта. Во второй раз после косовского

кризиса 1999 г. были заморожены отношения по линии Россия — НАТО, таким образом, тема постсоветского пространства впервые, хоть и на короткий срок, вышла на первый план в повестке отношений России и Евросоюза. В течение 2008 г. ЕС смог сформировать и запустить «восточное», или постсоветское, измерение ЕПС, получившее название Восточное партнерство (первоначальными инициаторами этого процесса выступили Польша и Швеция). Его целью являлась не только европеизация стран региона общего соседства без перспективы членства в ЕС, но и использование инструментов регионализма для конструирования региона, ориентированного на Брюссель. Первоначальная реакция Москвы на этот проект была крайне настроенной, однако впоследствии уровень опасений уменьшился, очевидно, в связи с тем, что Брюссель не собирался рассматривать страны Восточного партнерства в качестве кандидатов на вступление в ЕС, а также из-за некоторого улучшения отношений России и западного сообщества. В этом можно увидеть определенную закономерность: отношения между Россией и ЕС являются зависимыми от уровня отношений между Россией и Западом в целом, в особенности от тех акторов западного сообщества, которые Москва считает ключевыми, прежде всего это США и НАТО. Перезагрузка в отношениях России и США, очевидно, выступила некоторым благоприятным если не стимулом, то фоном для новых возможностей в отношениях России и различных акторов западного сообщества, включая ЕС и его страны-участницы.

Определенные положительные импульсы пришли из ценностно-политической сферы, они были связаны с официально провозглашенной российскими властями доктриной модернизации России. Евросоюз выразил готовность развивать отношения с Москвой по этой теме, в итоге ЕС и Россия подписали совместный документ о партнерстве для модернизации [18]. Однако ЕС и российское руководство придерживались разных интерпретаций данного партнерства. Евросоюз рассматривал модернизацию более субстанционально, отмечая, что модернизационные процессы станут необратимыми, только если затронут сферы общества и внутривнутриполитических институтов. Официальный российский подход к модернизации был более инструментальным и концентрировался на преодолении технологического отставания и некоторых технократически-административных преобразованиях. Эти различия подпитывали дискуссии о «ценностном разрыве» России и Евросоюза, которые стали активно вестись на Западе с середины 2000-х годов, который, однако, Россией официально не признавался или на нем не акцентировалось внимание.

Начало и развитие кризиса в отношениях России и Европейского союза: факторы, тенденции, перспективы

В 2013–2014 гг. начинается новый этап в отношениях России и Евросоюза, который можно охарактеризовать как открытый кризис. Он затрагивает не только ЕС и Россию, но также отношения России с западным сообществом в целом. Интересно отметить, что, несмотря на то что Москва традиционно воспринимала США и НАТО в качестве главных участников западного сообщества, к началу кризиса в отношениях России и коллективного Запада привела растущая напряженность в отношениях России и Европейского союза в связи с вопросом о подписании Украи-

ной Соглашения об ассоциации с ЕС, которое относится к категории экономических договоров, а не военно-политических. Однако доминирующая точка зрения заключается в том, что данный кризис стал наиболее выраженным проявлением, а не причиной разрастающейся конфронтации России и институтов коллективного Запада [19].

К качественным изменениям в отношениях, очевидно, привело несколько факторов, относящихся ко всем трем измерениям взаимоотношений России и ЕС.

Возвращение В.Путина на пост главы государства в 2012 г. на фоне протестов части представителей городского среднего класса в итоге привело к трансформации отношений с западным сообществом: его социализирующая роль была отвергнута, и уже с российской стороны стал признаваться ценностный разрыв, который начал интерпретироваться в терминах противостояния западного либерализма и российской версии постсоветского патерналистского социального консерватизма.

Во внешнеполитической сфере, исходя из тяжелых последствий (по крайней мере для некоторых стран ЕС) начавшегося в 2008 г. экономического кризиса, Россией был сделан вывод о том, что западное сообщество начало движение в сторону стагнации и что в данных условиях более выгодной для России в стратегической и экономической перспективах будет концентрация не на интеграции в глобальную экономику и усилении экономического сотрудничества с Западом, а на продвижении региональной постсоветской экономико-политической интеграции, которая позволит повысить роль России в мире. Это привело к активизации проектов по экономической интеграции на постсоветском пространстве¹ и формированию в итоге Евразийского экономического союза в 2014–2015 гг. [20]. Однако Евросоюз к этому времени уже несколько лет вел переговоры об ассоциации и углубленной зоне свободной торговли с рядом постсоветских стран (например, переговоры ЕС и Украины по данному соглашению начались в 2007 г.), поэтому «конкуренция интеграций» и стала спусковым крючком для начала кризиса, и даже сильная экономическая взаимозависимость России и ЕС не смогла его затормозить. Уже накануне 2013 г. стали делаться прогнозы о «конце прежних отношений» России и Евросоюза [21].

Таким образом, открытый кризис в отношениях России и ЕС изменил все три измерения их взаимодействий. В ценностно-политической сфере был артикулирован ценностный разрыв, который, однако, было бы некорректно приравнивать к идеологическому противостоянию времен холодной войны. Во внешнеполитическом международно-региональном измерении, особенно на постсоветском пространстве, возникла конфронтационная ситуация, что подтвердило традиционное мнение Москвы, что США и НАТО представляют большую угрозу в этом аспекте, а Евросоюз и его политики, направленные на этот регион, в определенной степени маргинализируются в восприятии России. Экономическая взаимозависимость не исчезла полностью, но теперь она рассматривается как негативный фактор, и с 2014 г. на экономическое взаимодействие сторон оказывают первостепенное

---

¹ Москва стала последовательно поддерживать углубление хотя бы частичной экономической интеграции на постсоветском пространстве с начала 2000-х годов: в 2003–2004 гг. была предпринята попытка запуска Единого экономического пространства России, Беларуси, Украины и Казахстана. После 2004 г. новое украинское руководство охладело к постсоветской экономической интеграции, а Россия, Беларусь и Казахстан в 2010 г. создали Таможенный союз.

влияние взаимные санкционные режимы, которые стали своеобразным новым негативным стержнем двусторонних политических и экономических отношений. Новый политический подход ЕС в отношении России был сформулирован в 2016 г. в так называемых «пяти пунктах Могерини» [22] и с тех пор не претерпел концептуальных изменений, и исходя из сегодняшних обстоятельств такой подход с большей вероятностью будет ужесточаться, чем смягчаться.

Представляется важным рассмотреть, как российское и западное академическое и экспертное сообщество рассматривает основные факторы и измерения кризисных отношений России и ЕС, а также видит перспективы дальнейших отношений и возможный выход из тупика. В связи с этим было бы целесообразно проанализировать то, каким образом видятся причинно-следственные связи нарастания конфронтационных отношений в регионе общего соседства, которые стали триггером кризиса, каким образом формируются и реализуются санкционные режимы и к каким последствиям они привели для каждой из сторон и их взаимодействия.

Что касается постсоветского пространства, то уже к концу 2000-х годов среди западных исследователей сложилось представление о том, что политики Евросоюза и России по отношению к региону их общего соседства являются конкурирующими, если не взаимоисключающими, и построенными на разных принципах [23; 24]. При этом Россия с точки зрения интересов и политики Евросоюза стала характеризоваться как «негативный актор», который с определенным успехом препятствует целям Евросоюза по трансформации региона общего соседства и политической демократизации его стран [25]. Однако существует дискуссия по поводу мотивов действий Москвы в этом отношении: обусловлены ли они идеологическими факторами или более геополитически мотивированы стремлением удержать постсоветское пространство в сфере своего влияния [26], причем иногда с противоположным эффектом [27]. В целом вторая точка зрения представляется исследователям более обоснованной. Она также совпадает с мнением некоторых российских экспертов. Так, например, Д. Тренин полагает, что «психологическим» фоном политики России по отношению к странам постсоветского пространства служит «инерция советско-имперской общности, а основной движущей силой — материальные отношения между группами элит. Общества стран-соседей при этом выпадают из поля зрения» [28]. В этом отношении следует отметить, что даже в российском экспертном сообществе сильна точка зрения, согласно которой государства региона общего соседства являются маргинальными акторами в отношении России и институтов коллективного Запада, включая ЕС. Однако существует и иной подход к оценке значимости этих стран. Ресурсы стран региона общего соседства и их политических элит несопоставимы с ресурсами Москвы и Брюсселя, однако их сила может заключаться в другом: от конкретных интересов местных политических элит зависит, присоединятся ли их страны к предложениям России и ЕС [29]. Это дает им возможность для манипуляции более сильными акторами, иногда это может обернуться для них выигрышем, а иногда и нет, и даже стимулировать углубление кризиса в отношениях Москвы и Брюсселя.

Существуют разные оценки эффективности политик ЕС, направленных на регион общего соседства России и Евросоюза, т. е. ЕПС и Восточного партнерства. В целом в западном экспертном сообществе после 2014 г. ведутся дискуссии о «геополитизации» Восточного партнерства [30]. Однако само наличие «геополитиза-

ции» и ее политическая значимость являются дискуссионными моментами: существуют представления, что после 2014 г. наблюдается обращение Восточного партнерства к геополитическим подходам, также присутствует точка зрения, что ЕПС и Восточное партнерство изначально были геополитически мотивированными, некоторые исследователи подчеркивают ценностно-ориентированную, а не геополитическую природу политик ЕС, направленных на регион общего соседства.

В России на политическом уровне Восточное партнерство изначально воспринималось как геополитический проект [31], эта точка зрения разделяется и значительной частью российского экспертного сообщества. Однако присутствует и альтернативный взгляд, который связывает Восточное партнерство, и особенно его развитие после 2014 г., с упором Евросоюза на развитие инструментария «мягкой силы» в отношениях со странами региона общего соседства [32], что может быть объяснено политической и геостратегической слабостью Европейского союза.

Вопрос о формировании взаимных санкционных режимов и их последствий для двусторонних отношений также занимает важное место в исследованиях отношений России и Запада в целом и России и ЕС в частности. Так, российские исследователи обращают внимание на то, что в настоящее время режимы экономических санкций стали широко распространенными и востребованными, в особенности в отношении тех стран, дипломатические меры против которых рассматриваются как недостаточные, а применение военной силы немыслимо или крайне нежелательно. Поэтому в настоящее время совершенствуются механизмы мониторинга за соблюдением санкций [33]. По мнению И. Тимофеева, западные акторы, и в первую очередь США, делают ставку на развитие санкционных режимов вследствие того, что «с точки зрения экономической власти современный мир сохраняет признаки однополярности» [34].

Что касается санкционного режима Евросоюза в отношении России, то основной целью как индивидуальных, так и секторных санкций является изменение ее политики, но подобные цели редко достигаются в краткосрочной перспективе. Отмечается, что взаимные санкционные режимы России и ЕС разрушили созданные и функционировавшие долгое время политические и отраслевые структуры двустороннего диалога [35]. Однако в том, что касается вопроса о непосредственном влиянии санкций на российскую экономику, идут дискуссии относительно того, являются ли санкционные режимы или снизившиеся цены на энергоносители причиной относительной российской экономической стагнации [36]. В целом признаются негативные последствия санкций для экономик и то, что экономический санкционный потенциал Евросоюза и США больше санкционного потенциала России [37]. Экономике стран Евросоюза также несут некоторые потери от российских контрсанкций, причем они распределяются неравномерно между государствами — участниками ЕС [38]. Со стороны ЕС введение санкций на российском направлении рассматривается как важный политический шаг, поэтому они требуют серьезных расчетов и политического консенсуса по многим вопросам между странами-членами, также для ЕС политически важно присоединение к санкциям третьих стран [39].

Динамика развития кризиса в отношениях ЕС и России рассматривается с различных перспектив. Вызывает интерес вопрос о проявлении акторности ЕС в ходе согласования и реализации его политики в отношении России после 2014 г. [40]. В целом отмечается, что ЕС показал себя способным к согласованию действий по

вопросам санкций на основе формирования консенсуса, что способствовало повышению доверия между странами-членами и институтами ЕС [41]. В то же время за отдельными странам-участниками оставалась определенная свобода в формировании ими двусторонних отношений с Москвой, и она до определенной степени не ограничивается институтами Евросоюза [42]. Однако это не привело к ситуации, когда «центр тяжести» отношений между Россией и ЕС сместился на направления двусторонних отношений между Москвой и отдельными европейскими столицами, тем более по линиям двусторонних отношений не формировалась полноценная «альтернативная» повестка отношений России и ЕС. Взаимоотношения России с отдельными странами ЕС, прежде всего ведущими, переформатировались в свете общих тенденций отношений России и Евросоюза. В этой области пристальное внимание исследователей привлекали отношения между Берлином и Москвой. В целом и западными, и российскими исследователями отмечалось, что политика ФРГ по отношению к России претерпела значительные изменения: Берлин смог обеспечить введение санкционного режима на уровне ЕС, в то же самое время не маргинализируя роль России во своей внешней политике [43], причем выстраивание политики по отношению к России базируется на балансе интересов внутри немецкой политической элиты [44]. Как отмечает Н. Власов в настоящее время Россия рассматривается Берлином прежде всего как угроза, и политика по отношению к ней базируется на балансе «сдерживания» и «диалога», что напоминает ситуацию, сложившуюся на позднем этапе холодной войны [45]. Также минимизируется инвестиционное сотрудничество России и Германии [46]. В двусторонних связях России и отдельных стран Евросоюза весьма показательно то, что отношения даже с наиболее «беспроблемными» из них в настоящее время трудно охарактеризовать как партнерство [47]. Также интересно высказанное мнение, что до 2014 г. (когда российская политика по отношению к Евросоюзу характеризовалась как более «геоэкономическая») Москве удавалось с большим успехом реализовывать свои интересы в ЕС через двусторонние отношения со странами-участницами, чем после 2014 г., так как государства ЕС стали более консолидированы по отношению к России [48].

Начавшийся кризис в отношениях ЕС и России, очевидно, носит среднесрочный или долгосрочный характер и является частью «прохладной» войны между Россией и Западом, хотя и имеет собственную специфику.

Стороны находятся в состоянии противостояния разной степени интенсивности по многим направлениям. Прекратился регулярный политический диалог, и его восстановление в настоящее время не предвидится. Важной особенностью конфликтных отношений является то, что противостояние проникает на уровень внутривнутриполитических дискурсов и инструментализируется для внутривнутриполитических целей, что затрудняет выход из тупика [49]. С одной стороны, звучат призывы к деконфликтизации отношений [50], с другой — не всегда ясно, как это может быть реализовано на практике в условиях комплексного кризиса в отношениях России и большинства акторов западного сообщества.

Модификация отношений в условиях нынешней ситуации достаточно непроста. Прежде всего, взаимные санкционные режимы будут сохраняться и в дальнейшем, они стали новыми «правилами игры», однако данные санкционные режимы не являются примерами наиболее жестких санкционных режимов, которые суще-

ствуют в современном мире, и они не покрывают все области взаимодействия России и ЕС. В то же самое время наблюдается дальнейшее расхождение России и ЕС. Проблема пандемии Covid-19 не сблизила ЕС и Россию, а скорее продемонстрировала их способность к автономности [51]. Новый потенциал обострения отношений и усиления санкционных режимов формируется в настоящее время в связи с белорусским кризисом и осложнением внутривнутриполитической ситуации России [52]. Однако следует отметить, что если произойдет полный разрыв отношений по линии Россия — ЕС [53], то он не будет восполнен двусторонними отношениями России и отдельных стран Евросоюза, скорее всего, такая потенциальная ситуация приведет в конце концов к деградации и двусторонних отношений.

Заключение

Сегодняшний кризис в отношениях России с западным сообществом имеет многоуровневый и глубокий характер, однако прямые сравнения с периодом холодной войны все же не совсем уместны. Если исходить из характеристики нынешней ситуации как войны «прохладной», то «классическая» холодная война характеризовалась тотальным военно-политическим противостоянием двух блоков государств с различными и антагонистическими идеологическими и общественно-политическими системами. Сегодняшняя напряженность в рамках «прохладной войны» не охватывает все страны мира и все сферы деятельности, она гораздо менее интенсивна, однако «выход из нее, скорее всего, будет более сложным и продолжительным» [1]. Соглашаясь с этим выводом, мы можем обосновать его тем, что современное противостояние гораздо более мозаично и нюансировано в плане интересов участников, их стратегий и тактик по достижению своих целей, что и порождает определенную видимость гибридности в методах противостояния и формирует общую видимость ситуации как, на первый взгляд, крайне эклектичной, если не хаотичной. Положение усложняет и то, что комплекс характеристик, присущих современному «прохладному» противостоянию, или некоторые из них могут проецироваться на отношения между Россией и отдельными институтами или странами Запада, а также на систему международных отношений в регионах с определенной спецификой [54]. В противоположность сегодняшней картине «классическая» холодная война выглядела по-другому. Несмотря на всю ее ожесточенность и тотальность, противостояние в ее рамках базировалось на двух основных элементах: идеологическом антагонизме, формирующем противоположные общественно-политические и экономические системы, а также гонке вооружений. Но как только при помощи прорывных политических усилий СССР и США (правда, в их возможность изначально мало кто верил) два основных противоречия были сняты, ситуация резко изменилась, а противостояние в старом виде полностью исчезло. Преодоление сегодняшнего кризиса, очевидно, не будет зависеть от прорывов на одном или двух направлениях (например, продление договора СНВ-3 между Россией и США на 5 лет в 2021 г. не означает качественного улучшения их отношений), а потребует продолжительной и кропотливой работы по поиску компромиссов во многих сферах.

Поэтому, исходя из данной ситуации и подходя к вопросу о возможном улучшении отношений России и Евросоюза, следует иметь в виду несколько важных факторов. Во-первых, отношения России и ЕС являются частью отношений между Россией

и коллективным Западом, причем Россия традиционно рассматривает США и НАТО в качестве ведущих западных акторов. Соответственно, для того чтобы добиться качественных прорывов по линии отношений Россия — ЕС, очевидно, первоначально потребуются сдвиг на центральной российско-атлантической линии «прохладной» войны. Во-вторых, поскольку ЕС не обладает существенным потенциалом в военно-политической области, Россия не рассматривает его в качестве единого политического актора, а скорее смотрит на него как на группу или систему акторов, соединенную балансом интересов. В-третьих, расчет на выстраивание исключительно двусторонних отношений с отдельными странами — участницами Европейского союза, скорее всего, не сможет оправдаться. И, в-четвертых, те области, в которых на сегодняшний день наблюдается существенная или критическая взаимозависимость России и ЕС (например, энергетика), воспринимаются крайне политизировано и являются скорее источником опасений, чем платформами для прорывов.

В такой ситуации координация усилий Евросоюза и России (о сотрудничестве говорить довольно сложно) может иметь место только при некоторых условиях. Во-первых, это видится возможным, если существует риск серьезного конфликта наподобие украинского. Во-вторых, очевидно, что отказ от противостояния возможен там, где совпадают тактические интересы, например, как это было в случае с отставкой правительства Молдовы, которое контролировалось В. Плахотнюком, в июне 2019 г. В-третьих, остаются рабочими те виды взаимодействий России и ЕС, которые напрямую не связаны с «высокой политикой», а в большей степени являются трансправительственными (приграничное сотрудничество) или транснациональными (гуманитарные сферы: наука, образование, культура, туризм). В-четвертых, следует отметить, что концепция стратегического партнерства России и ЕС в условиях кризиса и противостояния не является релевантной, поэтому, скорее всего, будет необходима выработка новых концепций, подходов и тактик взаимодействий, которые не будут претендовать на универсальность, политический прорыв и полное снятие противостояния, однако смогут стать «точками сборки» для небольших шагов и «малых дел» по снятию напряженности или озабоченности по тем или иным вопросам, накоплению опыта практического сотрудничества в тех или иных сферах, и в конечном итоге они смогут привести к постепенному формированию доверия у сторон по отношению друг к другу.

Литература

1. Худoley, К. К. (2020), Россия и Запад: вторая «холодная» или первая «прохладная»? *Россия в глобальной политике*, № 6, с. 10–22. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pervaya-prohladnaya/> (дата обращения: 27.02.2021).
2. Khudoley, K. (2019), Russia and the USA: Cool War Ahead?, *Teorija in praksa*, vol. 56, is. 1, pp. 98–117.
3. *Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны (заключено на о. Корфу 24.06.1994)*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121271/ (дата обращения: 27.02.2021).
4. *Common strategy of the European Union on Russia. European Council, Cologne, 3 and 4 June 1999*. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/38943c06-7e5d-4ca3-acc3-c5154bd9c04e/language-en> (дата обращения: 27.02.2021).
5. Стратегия развития отношений России и ЕС на среднесрочную перспективу (2000-2010). (Текст, представленный Председателем Правительства России В. В. Путиным на саммите ЕС — РФ в Хельсинки 22.10.1999) (2000), *Современная Европа*, № 1, с. 95–105.

6. Haukkala, H. (2009), Lost in Translation. Why the EU has Failed to Influence Russia's Development, *Europe-Asia Studies*, vol. 10, pp. 1757–1775.
7. «Дорожная карта» по общему экономическому пространству. Утверждена 10 мая 2005 г. URL: https://russiaeu.ru/userfiles/file/road_map_on_the_common_economic_space_2005_russian.pdf (дата обращения: 27.02.2021).
8. «Дорожная карта» по общему пространству внешней безопасности. Утверждена 10 мая 2005 г. URL: https://russiaeu.ru/userfiles/file/road_map_on_the_common_space_of_external_security_2005_russian.pdf (дата обращения: 27.02.2021).
9. «Дорожная карта» по общему пространству свободы, безопасности и правосудия. Утверждена 10 мая 2005 г. URL: https://russiaeu.ru/userfiles/file/road_map_on_the_common_space_of_freedom,_security_and_justice_2005_russian.pdf (дата обращения: 27.02.2021).
10. «Дорожная карта» по общему пространству науки и образования, включая культурные аспекты. Утверждена 10 мая 2005 г. URL: https://russiaeu.ru/userfiles/file/road_map_on_the_common_space_of_research_and_education_2005_russian.pdf (дата обращения: 27.02.2021).
11. Emerson, M. (2005), EU-Russia — Four Common Spaces and the Proliferation of the Fuzzy, *CEPS*, May 01. URL: <https://www.ceps.eu/ceps-publications/eu-russia-four-common-spaces-and-proliferation-fuzzy/> (дата обращения: 27.02.2021).
12. Emerson, M., Tocci, N., Vahl, M., Whyte, N. (2001), *The Elephant and the Bear*, Brussels: Centre for European Policy Studies.
13. Romanova, T. (2016), Is Russian Energy Policy towards the EU Only about Geopolitics? The Case of the Third Liberalisation Package, *Geopolitics*, no. 4, pp. 857–879.
14. Stegen, K. (2011), Deconstructing the “energy weapon”: Russia's threat to Europe as case study, *Energy Policy*, no. 10, pp. 6505–6513.
15. Siddi, M. (2018), The Role of Power in EU–Russia Energy Relations: The Interplay between Markets and Geopolitics, *Europe-Asia Studies*, vol. 70, is. 10, pp. 1552–1571.
16. Мургащ, Р. (2018), Газовый рынок ЕС и отношения между Москвой и Брюсселем, *Международные процессы*, № 3, с. 202–213.
17. Jääskeläinen, J., Höysniemi, S., Syri, S. and Tynkkynen, V.-P. (2018), Finland's Dependence on Russian Energy — Mutually Beneficial Trade Relations or an Energy Security Threat?, *Sustainability*, vol. 10, is. 10, 3445. <https://doi.org/10.3390/su10103445/>
18. *Joint Statement on the Partnership for Modernisation EU — Russia Summit 31 May-1 June 2010*. Available at: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/er/114747.pdf (accessed: 27.02.2021).
19. Haukkala, H. (2016), A Perfect Storm; Or What Went Wrong and What Went Right for the EU in Ukraine, *Europe-Asia Studies*, vol. 68, is. 4, pp. 653–664.
20. *Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 01.10.2019)*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 27.02.2021).
21. Тренин, Д. (2012), Конец прежних отношений Евросоюз — Россия, *Московский центр Карнеги*, 27.12. URL: <https://carnegie.ru/2012/12/27/ru-pub-50620> (дата обращения: 27.02.2021).
22. *Remarks by High Representative/Vice-President Federica Mogherini at the press conference following the Foreign Affairs Council, Brussels, 14.03.2016*. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/5490_en (дата обращения: 27.02.2021).
23. Wilson, A., Popescu, N. (2009), Russian and European neighbourhood policies compared, *Journal of Southeast European & Black Sea Studies*, vol. 9, is. 3, pp. 317–331.
24. Averre, D. (2009), Competing Rationalities: Russia, the EU and the ‘Shared Neighbourhood’, *Europe-Asia studies*, vol. 61, is. 10, pp. 1689–1713.
25. Tolstrup, J. (2009), Studying a negative external actor: Russia's management of stability and instability in the ‘Near Abroad’, *Democratization*, vol. 16, is. 5, pp. 922–944.
26. Babayan, N. (2015), The Return of the Empire? Russia's Counteraction to Transatlantic Democracy Promotion in Its near Abroad, *Democratization*, vol. 22, is. 3, pp. 438–458.
27. Delcour, L., Wolszuk, K. (2015), Spoiler or facilitator of democratization?: Russia's role in Georgia and Ukraine. *Democratization*, 3, pp. 459–478.
28. Тренин, Д. (2020), Союзническая политика России: что делать и что менять?, *Россия в глобальной политике*, № 6, с. 202–213.
29. Ademmer, E., Delcour, L. and Wolczuk, K. (2016), Beyond geopolitics: exploring the impact of the EU and Russia in the “contested neighborhood”, *Eurasian Geography and Economics*, vol. 57, is. 1, pp. 1–18.
30. Nitoiu, C., Sus, M. (2019), Introduction: The rise of Geopolitics in the EU's Approach in its Eastern Neighbourhood, *Geopolitics*, vol. 24, is. 1, pp. 1–19.

31. Gretskey, I., Treshchenkov, E. and Golubev, K. (2014), Russia's perceptions and misperceptions of the EU Eastern Partnership, *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 47, no. 3–4, pp. 375–383.
32. Сутырин, В. (2020), Трансформация Восточного партнерства после 2014 г., *Современная Европа*, № 2, с. 111–122.
33. Афонцев, С. А. (2019), Санкции и международные институты: перспективы снижения санкционных рисков для России, *Вестник международных организаций*, т. 14, № 3, с. 46–68.
34. Тимофеев, И. Н. (2019), Политика санкций: однополярный или многополярный мир?, *Вестник международных организаций*, т. 14, № 3, с. 9–26.
35. Romanova, T. (2016), Sanctions and the Future of EU-Russian economic relations, *Europe-Asia Studies*, no. 4, pp. 774–796.
36. Aalto, P. and Forsberg, T. (2016), The structuration of Russia's geo-economy under economic sanctions, *Europe Journal*, no. 14, pp. 221–237.
37. Dong, Y. and Li, C. (2018), Economic sanction games among the US, the EU and Russia: Payoffs and potential effects, *Economic Modelling*, vol. 73, pp. 117–128.
38. Giumelli, F. (2017), The Redistributive Impact of Restrictive Measures on EU Members: Winners and Losers from Imposing Sanctions on Russia, *Journal of Common Market Studies*, vol. 55, is. 5, pp. 1062–1080.
39. Hellquist, E. (2016), Either with us or against us? Third-country alignment with EU sanctions against Russia/Ukraine, *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 29, is. 3, pp. 997–1021.
40. Gehring, T., Urbanski, K. and Oberthur, S. (2017), The European Union as an Inadvertent Great Power: EU Actorness and the Ukraine Crisis, *Journal of Common Market Studies*, vol. 55, is. 4, pp. 722–743.
41. Natorski M., and Pomorska, K. Trust and Decision-making in Times of Crisis: The EU's Response to the Events in Ukraine, *Journal of Common Market Studies*, 2017, vol. 55, is. 1. pp. 54–70.
42. Orenstein, M. and Klemen, R. (2017), Trojan Horses in EU Foreign Policy, *Journal of Common Market Studies*, vol. 55, is. 1, pp. 87–102.
43. Siddi, M. (2016), German Foreign Policy towards Russia in the Aftermath of the Ukraine Crisis: A New Ostpolitik?, *Europe-Asia Studies*, vol. 68, is. 4, pp. 665–677.
44. Forsberg, T. (2016), From Ostpolitik to 'frostpolitik'? Merkel, Putin and German foreign policy towards Russia, *International Affairs*, vol. 92, is. 1, pp. 21–42.
45. Власов, Н. (2018), Россия в политике безопасности ФРГ, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: Международные отношения*, вып. 2, с. 184–199.
46. Белов, В. (2020), Специальные инвестиционные контракты и российско-германское экономическое сотрудничество, *Современная Европа*, № 1, с. 146–158.
47. Маслова, Е. и Сорокова, Е. (2019), Россия-Италия: концептуальный анализ двусторонних отношений, *Современная Европа*, № 1, с. 48–59.
48. Wigell, M. and Vihma, A. (2016), Geopolitics versus geoeconomics: the case of Russia's geostrategy and its effects on the EU, *International Affairs*, vol. 92, is. 3, pp. 605–627.
49. Bechev, D. (2015), Understanding the Contest between the EU and Russia in Their Shared Neighbourhood, *Problems of Post-Communism*, vol. 62, is. 6, pp. 340–349.
50. Duke, S. and Gebhard, S. (2017), The EU and NATO's dilemmas with Russia and the prospects for deconfliction, *European Security*, vol. 26, is. 3, pp. 379–397.
51. Баунов, А. (2021), Соседство самодостаточных. Как Европа и Россия оказались не нужны друг другу, *Московский центр Карнеги*, 27.01. URL: <https://carnegie.ru/commentary/83738> (дата обращения: 27.02.2021).
52. Council of the European Union (2021), *Outcomes of the 3785th Council meeting, Foreign Affairs*, Brussels, February 22. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/48582/st06295-en21.pdf> (дата обращения: 27.02.2021).
53. Лукьянов, Ф. (2021), «Разрыв как «благо». Почему России и Евросоюзу сейчас нечего терять, *Московский центр Карнеги*, 15.02. URL: <https://carnegie.ru/commentary/83872> (дата обращения: 27.02.2021).
54. Худoley, К. К. (2019), «Прохладная война» в регионе Балтийского моря: последствия и дальнейшие сценарии, *Балтийский регион*, № 3, с. 4–24.

Статья поступила в редакцию 9 февраля 2021 г.
Статья рекомендована к печати 15 марта 2021 г.

Контактная информация:

Изотов Александр Викторович — канд. полит. наук, доц.;
a.v.izotov@spbu.ru, alexizotov@hotmail.com

Crisis formation in Russia's relations with the European Union and the Western community: Prospects for changes

A. V. Izotov

St. Petersburg State University,
7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Izotov A. V. Crisis formation in Russia's relations with the European Union and the Western community: Prospects for changes. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2021, vol. 14, issue 2, pp. 139–155. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.202> (In Russian)

The article analyzes the current crisis in relations between Russia and the European Union (EU) which is part of a more global crisis in the relations between Russia and the Western community that can be analyzed in terms of the Russian-Western “cool war” concept. Firstly, the main trends in relations between Russia and the EU since the early 1990s are analyzed within three main dimensions of their interactions (economic interdependence; political values and institutions; foreign policy dimension) in the context of relations between Russia and the Western community. The article then examines how the current crisis and its key factors (relations between Russia and the EU in their common neighborhood; mutual sanctions regimes established by Moscow and Brussels against each other; transformation of the relations between Russia, the EU and its member states as a result of the crisis) are analyzed and discussed by the Western and Russian academic and expert communities. Specific attention is paid to the issues and problems that are prioritized by Russian and Western scholars, how they have been studied, how the scholars and experts reveal the causes and consequences of the relevant aspects of the current crisis in the EU-Russia relations in the context of a more global confrontational stagnation in the relations between Russia and the Western community. Conclusions are made regarding prospects for any changes in the current crisis of EU-Russia relations, and the factors that could stimulate or limit these changes are outlined.

Keywords: Russia, European Union, Western community, crisis, sanctions, EU-Russia common neighborhood, cool war, cold war.

References

1. Khudoley, K. K. (2020), Russia and the West: Second “Cold” war or First “Cool” War?, *Russia in Global Affairs*, no. 6, pp. 10–22. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/pervaya-prohladnaya/> (accessed: 27.02.2021). (In Russian)
2. Khudoley, K. (2019), Russia and the USA: Cool War Ahead?, *Teoriya in praksa*, vol. 56, is. 1, pp. 98–117.
3. *Agreement on Partnership and Cooperation establishing a partnership between the European Communities and their Member States, of one part, and the Russian Federation, of the other part*. 24.06.1994. Available at: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:21997A1128\(01\)&from=EN](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:21997A1128(01)&from=EN) (accessed: 27.02.2021).
4. *Common strategy of the European Union on Russia*. European Council, Cologne, 3 and 4 June 1999. Available at: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/38943c06-7e5d-4ca3-acc3-c5154bd9c04e/language-en> (accessed: 27.02.2021).
5. Medium-term Strategy for Development of Relations between the Russian Federation and the European Union (2000–2010). The text of the document was presented by V. Putin, the Prime-Minister of the Russian Federation at the EU-Russia summit in Helsinki on 22 of October, 1999 (2000), *Sovremennaya Evropa*, no. 1, pp. 95–105. (In Russian)
6. Haukkala, H. (2009), Lost in Translation. Why the EU has Failed to Influence Russia's Development, *Europe-Asia Studies*, vol. 10, pp. 1757–1775.
7. «Road Map on the Common Economic Space, May 10 2005. Available at: https://russiaeu.ru/userfiles/file/road_map_on_the_common_economic_space_2005_english.pdf (accessed: 27.02.2021).
8. *Road Map on the Common Space of External Security, May 10 2005*. Available at: https://russiaeu.ru/userfiles/file/road_map_on_the_common_space_of_external_security_2005_english.pdf (accessed: 27.02.2021).

9. *Road Map on the Common Space of Freedom, Security and Justice*, May 10 2005. Available at: https://russiaeu.ru/userfiles/file/road_map_on_the_common_space_of_freedom,_security_and_justice_2005_english.pdf (accessed: 27.02.2021).
10. *Road Map on the Common Space of Research and Education, Including Cultural Aspects*, May 10 2005. Available at: https://russiaeu.ru/userfiles/file/road_map_on_the_common_space_of_research_and_education_2005_english.pdf (accessed: 27.02.2021).
11. Emerson, M. (2005), EU-Russia — Four Common Spaces and the Proliferation of the Fuzzy, *CEPS*, May 01. URL: <https://www.ceps.eu/ceps-publications/eu-russia-four-common-spaces-and-proliferation-fuzzy/> (дата обращения: 27.02.2021).
12. Emerson, M., Tocci, N., Vahl, M., Whyte, N. (2001), *The Elephant and the Bear*, Brussels: Centre for European Policy Studies.
13. Romanova, T. (2016), Is Russian Energy Policy towards the EU Only about Geopolitics? The Case of the Third Liberalisation Package, *Geopolitics*, no. 4, pp. 857–879.
14. Stegen, K. (2011), Deconstructing the “energy weapon”: Russia’s threat to Europe as case study, *Energy Policy*, no. 10, pp. 6505–6513.
15. Siddi, M. (2018), The Role of Power in EU–Russia Energy Relations: The Interplay between Markets and Geopolitics, *Europe-Asia Studies*, vol. 70, is. 10, pp. 1552–1571.
16. Murgash, R. (2018), EU Gas Market Monitoring Regulations and their impact on relations between Moscow and Brussels, *Mezhdunarodnye protsessy*, no. 3, pp. 202–213. (In Russian)
17. Jääskeläinen, J., Höysniemi, S., Syri, S. and Tynkkynen, V.-P. (2018), Finland’s Dependence on Russian Energy — Mutually Beneficial Trade Relations or an Energy Security Threat?, *Sustainability*, vol. 10, is. 10, 3445. <https://doi.org/10.3390/su10103445/>
18. *Joint Statement on the Partnership for Modernisation EU — Russia Summit 31 May-1 June 2010*. Available at: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/er/114747.pdf (accessed: 27.02.2021).
19. Haukkala, H. (2016), A Perfect Storm; Or What Went Wrong and What Went Right for the EU in Ukraine, *Europe-Asia Studies*, vol. 68, is. 4, pp. 653–664.
20. *The Treaty Establishing the Eurasian Economic Union*, May 29 2014. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (accessed: 27.02.2021). (In Russian)
21. Trenin, D. (2012), The End of the EU-Russia Relationship As You Know It, *Moscow Carnegie Center*, Decembar 25. Available at: <https://carnegie.ru/2012/12/25/end-of-eu-russia-relationship-as-you-know-it-tpub-50456> (accessed: 27.02.2021).
22. *Remarks by High Representative/Vice-President Federica Mogherini at the press conference following the Foreign Affairs Council, Brussels, March 14 2016*. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/5490_en (дата обращения: 27.02.2021).
23. Wilson, A., Popescu, N. (2009), Russian and European neighbourhood policies compared, *Journal of Southeast European & Black Sea Studies*, vol. 9, is. 3, pp. 317–331.
24. Averre, D. (2009), Competing Rationalities: Russia, the EU and the ‘Shared Neighbourhood’, *Europe-Asia studies*, vol. 61, is. 10, pp. 1689–1713.
25. Tolstrup, J. (2009), Studying a negative external actor: Russia’s management of stability and instability in the ‘Near Abroad’, *Democratization*, vol. 16, is. 5, pp. 922–944.
26. Babayan, N. (2015), The Return of the Empire? Russia’s Counteraction to Transatlantic Democracy Promotion in Its near Abroad, *Democratization*, vol. 22, is. 3, pp. 438–458.
27. Delcour, L., Wolczuk, K. (2015), Spoiler or facilitator of democratization?: Russia’s role in Georgia and Ukraine. *Democratization*, 3, pp. 459–478.
28. Trenin, D. (2020), Russia’s policies towards its Allies: what should be done and what should be changed?, *Russia in Global Affairs*, no. 6, pp. 202–213. (In Russian)
29. Ademmer, E., Delcour, L. and Wolczuk, K. (2016), Beyond geopolitics: exploring the impact of the EU and Russia in the “contested neighbourhood”, *Eurasian Geography and Economics*, vol. 57, is. 1, pp. 1–18.
30. Nitoiu, C., Sus, M. (2019), Introduction: The rise of Geopolitics in the EU’s Approach in its Eastern Neighbourhood, *Geopolitics*, vol. 24, is. 1, pp. 1–19.
31. Gretskiy, I., Treshchenkov, E. and Golubev, K. (2014), Russia’s perceptions and misperceptions of the EU Eastern Partnership, *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 47, no. 3–4, pp. 375–383.
32. Sutyryn, V. (2020), Transformation of the EU Eastern Partnership after 2014, *Sovremennaiia Evropa*, no. 2, pp. 111–122. (In Russian)
33. Afontsev, S. (2019), Sanctions and International Institutions: The Prospects of Russia Mitigating Sanctions Risks, *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no. 3, pp. 48–68. (In Russian)

34. Timofeev, I. (2019), Sanctions' Policy: Unipolar or Multipolar World?, *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no. 3, pp. 9–26. (In Russian)
35. Romanova, T. (2016), Sanctions and the Future of EU-Russian economic relations, *Europe-Asia Studies*, no. 4, pp. 774–796.
36. Aalto, P. and Forsberg, T. (2016), The structuration of Russia's geo-economy under economic sanctions, *Asia-Europe Journal*, no. 14, pp. 221–237.
37. Dong, Y. and Li, C. (2018), Economic sanction games among the US, the EU and Russia: Payoffs and potential effects, *Economic Modelling*, vol. 73, pp. 117–128.
38. Giumelli, F. (2017), The Redistributive Impact of Restrictive Measures on EU Members: Winners and Losers from Imposing Sanctions on Russia, *Journal of Common Market Studies*, vol. 55, is. 5, pp. 1062–1080.
39. Hellquist, E. (2016), Either with us or against us? Third-country alignment with EU sanctions against Russia/Ukraine, *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 29, is. 3, pp. 997–1021.
40. Gehring, T., Urbanski, K. and Oberthur, S. (2017), The European Union as an Inadvertent Great Power: EU Actorness and the Ukraine Crisis, *Journal of Common Market Studies*, vol. 55, is. 4, pp. 722–743.
41. Natorski M., and Pomorska, K. Trust and Decision-making in Times of Crisis: The EU's Response to the Events in Ukraine, *Journal of Common Market Studies*, 2017, vol. 55, is. 1. pp. 54–70.
42. Orenstein, M. and Klemen, R. (2017), Trojan Horses in EU Foreign Policy, *Journal of Common Market Studies*, vol. 55, is. 1, pp. 87–102.
43. Siddi, M. (2016), German Foreign Policy towards Russia in the Aftermath of the Ukraine Crisis: A New Ostpolitik?, *Europe-Asia Studies*, vol. 68, is. 4, pp. 665–677.
44. Forsberg, T. (2016), From Ostpolitik to 'frostpolitik'? Merkel, Putin and German foreign policy towards Russia, *International Affairs*, vol. 92, is. 1, pp. 21–42.
45. Vlasov, N. (2018), Russia in the context of German security policy, *Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. International Relations*, is. 2, pp. 184–199. (In Russian)
46. Belov, V. (2020), Special Investment Contracts and Russian-German economic Relations, *Sovremennaiia Evropa*, no. 1, pp. 146–158. (In Russian)
47. Maslova, E., Sorokova, E. (2019), Russia-Italy: Conceptual Analysis of the Bilateral Relations, *Sovremennaiia Evropa*, no. 1, pp. 48–60. (In Russian)
48. Wigell, M. and Vihma, A. (2016), Geopolitics versus geoeconomics: the case of Russia's geostrategy and its effects on the EU, *International Affairs*, vol. 92, is. 3, pp. 605–627.
49. Bechev, D. (2015), Understanding the Contest between the EU and Russia in Their Shared Neighbourhood, *Problems of Post-Communism*, vol. 62, is.6, pp. 340–349.
50. Duke, S. and Gebhard, S. (2017), The EU and NATO's dilemmas with Russia and the prospects for deconfliction, *European Security*, vol. 26, is. 3, pp. 379–397.
51. Baunov, A. (2021), The Pandemic Has Failed to Unite Russia and Europe, *Moscow Carnegie Center*, January 27. Available at: <https://carnegie.ru/commentary/83741> (accessed: 27.02.2021).
52. Council of the European Union (2021), *Outcomes of the 3785th Council meeting, Foreign Affairs. Brussels*, 22 February. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/media/48582/st06295-en21.pdf> (accessed: 27.02.2021).
53. Lukianov, F. (2021), "Break" as a blessing. Why Russia and the EU have nothing to lose now, *Moscow Carnegie Center*, February 15. Available at: <https://carnegie.ru/commentary/83872> (accessed: 27.02.2021). (In Russian)
54. Khudoley, K. (2019), The "Cool War" in the Baltic Sea Region: Consequences and Future Scenarios, *Baltic Region*, no. 3, pp. 4–24. (In Russian)

Received: February 9, 2021

Accepted: March 15, 2021

Author's information:

Alexander V. Izotov — PhD in Political Science, Associate Professor;
a.v.izotov@spbu.ru, alexizotov@hotmail.com